

An aerial photograph of a mountain range, showing deep valleys and ridges covered in dense, textured vegetation. The colors range from deep blues and purples in the shadows to lighter blues and greens in the sunlit areas. A black rectangular box is overlaid on the upper right portion of the image, containing white text.

КСЕНИЯ ХОРТ

БЕЛЫЙ ШУМ

СБОРНИК РАССКАЗОВ

Ксения Хорт
Белый шум. Сборник рассказов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=20097480

ISBN 9785447490270

Аннотация

Каждое мгновение наполнено белым шумом. Чаще всего мы его не замечаем. Но иногда он начинает звенеть в ушах настолько сильно, что не услышать его невозможно.

Содержание

Белый шум	5
Сны	14
Зарисовки на полях	17
Предисловие. Точка невозврата	17
Глава 1. Поднебесье	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Белый шум

Сборник рассказов

Ксения Хорт

© Ксения Хорт, 2019

ISBN 978-5-4474-9027-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Белый шум

Я врачую чужие души. Гормоном взросления. Собой, в общем-то.

Каждый день ко мне приходят люди. В основном, женщины. Разного возраста, телосложения, с разным разрезом глаз и тембром голоса. Но всегда с одним и тем же взглядом. В их глазах – тревога; и этот прыгающий взгляд, пляшущий по всему – моему кабинету, лицу, бумагам на моем столе, пейзажу за оконной рамой. Их руки нервно перебирают кисточки на их же палантинах, крутят кольца, играют с застежками браслетов, часов, сумок. Все эти женщины похожи на защемленный нерв. Страх и пустота. Истерики и апатия. Аффект.

Иногда, правда, приходят и мужчины. Совершенно другие. Подобные вору, которого застали врасплох и заставили написать чистосердечное. Подобные расщелкнутым орешкам.

Все они – и мужчины, и женщины – приходят ко мне сами. Боятся, но приходят.

За помощью.

Сегодня жарко. Кисельный воздух, немного влажный, и оттого только более удушающий. 36 градусов по Цельсию. Кажется, что воздух расплавляет реальность вместе с тикающими на полке часами. Время – кисель, воздух – кисель, реальность – ...

Белая раскаленная радиоволна режет новостями пространство. Новости! Бич современного человека. Откуда-то взялась же эта зависимость от плохих новостей. Вечерний выпуск без репортажа о теракте, разбившемся авиалайнере или хотя бы новой вспышке смертельной болезни – провал, попусту занимающий прайм-тайм. Люди хотят слышать о катастрофах, чтобы чувствовать, что у них самих все хорошо. Это мания. Это фобия. Это сегодняшний день.

Камера – крупным планом приемник, источающий ядовито-белый голос диктора. «По последним данным, умерло еще...» Диктор не успевает закончить – в приемник летит молоток.

У меня нет такой зависимости. Не люблю новости.

Сквозь кисель прорывается стук в дверь. Очередная па-

циентка – крашеная мочалка волос, тусклые глаза, нервные пальцы. В дополнение – застиранная рубашка и безобразный клатч со слоновьим орнаментом. Она садится напротив меня за белый стол, теребит серьги-кольца и начинает говорить.

Страх – вот то, что приводит этих людей ко мне. Страх, ужас, фобия. Пока она говорит, я встаю, чтобы налить холодного чая. Даже отворачиваясь, ощущаю пляшущий по мне и бумагам на столе взгляд, слышу, как ее голос начинает дергаться. Вот, сейчас! Сейчас прозвучит и застрянет в густом воздухе то, чего она боится, что настигает ее в кошмарах, что уже давно выело ее изнутри.

Наливаю чай со льдом, ставлю перед ней. Поворачиваюсь в сторону холодильника. По сути, это не кабинет, а гостиная, куда иногда заходят абсолютно незнакомые мне люди. Все, что может напоминать кабинет – стол, захламленный бумагами. Только здесь нет ни одного постоянного посетителя, который бы заметил, что это – только декорация и верхние листы уже давно выгорели, а под нижними – пыль. В остальном же – это мой зал с креслами, книжными полками, разбитым радио; в углу стоят холодильник и чайник...

– Мыши, – доносится ее голос и на секунду затихает, – мне говорили, что вы можете помочь. Я устала бояться...

Почему-то женщины боятся мышей. Не все, конечно. И не у всех страх перерастает в фобию. Но все же... Видимо, в качестве солидарности у нее на сумке слоновий узор. Неосознанно, конечно, ей «просто понравилась именно эта

сумочка». Она никогда так и не поймет, почему «именно эта». Хотя зачем, если уже завтра она ее выбросит. Или даже сегодня. Как только выйдет от меня.

– Не хотите пирога? – спрашиваю я, доставая треугольный кусок чизкейка из холодильника. Ставлю перед ней. Она поднимает глаза, переставая теревить слонячью сумку.

На пироге лежит мертвая мышь.

Конечно она орала. От ужаса. От того, что страх застал ее врасплох. Шоковая терапия. Работает в 50% случаев. У меня срабатывает всегда.

Вы уже столкнулись со своим страхом. Лицом к лицу. Лицом к мертвой мыши. Это уже случилось с вами. Вы УЖЕ напугались.

Больше бояться нечего. Страх исчерпан.

Я не врач. Не психиатр. Не шарлатан. Я – то же, что и вы, читающие мою историю. Обычные глаза, обычные руки, обычные проблемы. Но это странное паломничество в мою квартиру выбивает обыденность из моей жизни.

Боятся. Приходят. Уходят, уже не боясь.

Я ненавижу эту работу. Всех этих людей, дрожащих от страха, боящихся, по сути, собственной головы, а не реальных вещей.

Кто-то принес новый приемник. И включил.

Я растекаюсь в кресле, смешиваюсь с раскаленным воздухом, с обивкой кресла, с собственным потом.

«Сегодня был взорван...» – радио хриплым голосом спавивает чужие мозги негативом. Яд заполняет мысли и начинает поражать центральную нервную систему.

Я подхожу к полке и макаю нервную систему в аквариум.

Сегодня Она пришла позднее, чем обычно. И нервнее. Упала в кресло напротив меня. Заплакала. Начала кричать. Ее темные глаза выдавали усталость. Усталость бороться со мной. С моей жизнью, с моей обыденностью...

Она кричит, разбрасывает бумаги, сметает стулья и торшеры. Переиначивает мою жизнь. Говорит, что я плыву по течению, что я не могу справиться с собой. Что я боюсь.

Она достает очередной приемник из сумки, включает его. «По последним данным, количество жертв...»

Выключаю.

Она включает снова.

«...расследование продолжается...»

Выключаю.

Она закрывает лицо руками. Шумный выдох.

Она подходит к спинке моего кресла, обнимает меня. Чувствую, как ее тяжелая голова облакачивается на мое плечо.

Щелчок.

У самого уха включился диктофон.

С записью новостей.

Ступор. Я не смогу выключить диктофон. Не успею.

Голос диктора режет мое нутро... «Террористы, захватившие заложников два дня назад, были обезврежены сегодня утром...» Чувствую, как сердце гонит кровь, как зашкаливает пульс, как растет давление. Кажется, белки глаз сейчас лопнут. Я не хочу это слышать, не могу! Выключите это!

«...за все время захвата...»

Нет...

«...было убито...»

Нет!..

«...9 человек».

Пол исчезает из-под ног, кресло расщепляется на атомы. Горизонт исчезает. Я плаваю в вакууме. Все белеет, заливается леденящим светом. Холодно. Куда-то исчез звук... Я гложу? Реальность растворяется в белизну...

Это был мой страх.

Моя сестра разбилась на поезде, сошедшем с рельсов. Остатки тела, изрезанные металлом, доставали по частям из-под завалов. Хоронили в закрытом гробу.

Но о ее смерти близкие узнали по радио. Холодный голос журналистки врезался в мою память навсегда. Имя сестры не прозвучало, но мне хватило номера поезда, чтобы понять, что ее больше нет. «В аварии погибло 12 человек».

С тех пор я не могу слышать новости. Хотя теперь уже могу, наверное... осталось только выплыть из окружающей меня белизны...

Кажется, уже давно за полночь. Прихожу в себя. Лежу на полу, около кресла. Ее уже нет. Она ушла, оставив около меня очередной приемник. Скорее всего, последний. На столе лежит ее комплект ключей от моей квартиры...

Я не хочу вставать – двигаться все еще сложно.

Вместо этого я включаю радио.

Больше ко мне никто не придет. Шоковая терапия сработала на мне. И потеряла для меня всякий смысл. Невозможно бежать от своих страхов, излечивая чужие. По крайней мере, бежать долго. Мы слишком привыкли прятаться за маски – успешного актера, не ошибающегося лекаря, обычного человека. И все-то у нас распланировано: свадьбы, разводы, роды, похороны, сколько сантиметров цинизма на лицо и пластинок жвачки в рот, чтобы не сболтнуть ничего лишнего или личного, и никакого намека на себя настоящего не позволить.

А время не резиновое. И не думается мне, что перед смертью мы будем вспоминать свои маски.

А больше-то и нечего.

Я хочу отдохнуть. От себя и своего страха. От врачевания, без должного на то права. От моей маски безразличности. Когда душа уже обросла панцирем, почти невозможно вернуть ее способность сострадать. И чувствовать боль.

Но я хочу попытаться.

Я просто хочу жить.

Всего этого не было. Ни мертвых мышей, ни разбитых приемников. Ни Ее. Мне просто захотелось немного отвлечь тебя от твоей реальности. От работы с 8.00 до 16.30, от морожа по утрам, от стоящих под окнами машин. И сейчас ты сидишь на диване, читаешь эти строчки и постепенно понимаешь, что за всей шелухой этих слов стоит твоя и моя жизнь. Ты меня слышишь?..

СНЫ

В последних маршрутках зачастую мало пассажиров. И этот раз не стал исключением – одна девушка спереди, около водителя, и еще человека четыре в салоне. Все кема-рят. Дорога пуста – по этому шоссе ночью мало кто ездит; можно сказать, мертвая зона.

Интересно наблюдать, как в одном месте собираются абсолютно разные люди. Их не связывает ничего, кроме общей дороги на 40 минут. Разные мысли, жизни, привычки, разные сны. Девушка на первом сиденье уже давно в своих нежно-голубых сумерках собирает перламутровые перышки и вплетает их в венок. Она обычно записывает свои сны, собирая их в какой-то не то литературный, не то психологический цикл-очерк. Запивает снами одиночество. Может, потому-то они и такие красочные и насыщенные, с ощущениями, запахами. Ярко-фиолетовые маки на душистом поле, которое освещено только луной и звездами. Она даже чувствует этот запах, терпкий, где-то немного приторный, но все равно свежий. Она бежит по полю, и теплая роса, почему-то еще сохранившаяся на травинках и цветах, оmyвает босые ноги... Законченный венок взмывает вверх и плывет по небу, уже сотый или сто первый; кажется, будто только из таких венков и составлен млечный путь...

Рядом разворачивается сон мальчика, который едет вме-

сте с бабушкой: солдатики против кота, вполне такой мальчишеский сон. Вот только почему-то кот на этот раз побеждает. Бьет своей огромной рыжей лапой оловянных воинов, которые не успевают отреагировать ни на один удар. Кот-победитель дергает хвостом и идет пить молоко из своего блюда с голубой каймой, заботливо оставленного бабушкой.

Сама же бабушка, даже во сне крепко вцепившись в сумку, видит свое прошлое. Она еще совсем девчужкой гонит гусей домой, бежит по лужам в незастегнутых сандалях и в платье в горошек. А у ворот ее ждет отец, только что вернувшийся с фронта. Он подхватывает ее на руки и крепко обнимает. То ли слезы, то ли капли дождя катятся по их щекам. Конечно, сон немного приукрасил воспоминания, сделав их более яркими. Но какая разница?

Напротив бабушки и внука кемарит профессор. Он уже почти вывел в своем черно-белом сне нужную формулу, но мел кончается, и он не успевает дописать последнее число. И пока он достает очередной мелок из кармана пиджака, на доске поверх формулы начинают вырастать васильки и ромашки, делая сон цветным.

В самом конце маршрутки спит дембель. И впервые за два года видит не казарму, а рыбалку. Туманное утро окутывает удочки, деревья и даже сигарету во рту. Внезапно слышится тихий звон бубенчиков, прицепленных к удочке – клюёт! Пора подсекать...

А водитель все смотрит и смотрит вдаль шоссе. По его

бокам – бусы из фонарей, впереди виднеется мост, длинный и совершенно пустой. Он все тянется и тянется... Водитель должен довести своих пассажиров до конечной, пусть даже и во сне. Ведь сама маршрутка уже давно разбилась, и все, кто в ней ехал, так и остались спать и видеть свои сны. Двойная сплошная на иссиня-черном асфальте, ночная прохлада, шумные тополя, и сны, сны, сны...

Зарисовки на полях

Друзьям, которые терпели меня все это время.

Любое творчество – это противоядие от реальности.

Предисловие. Точка невозврата

Это славное ощущение, что тебе осталось полгода. Что вот оно, время, вот ты, а во-о-он там точка конца. И главное – до нее добраться. Не спрашивайте, как я дошел до этой мысли – это долгая история, начавшаяся несколько лет назад и закончившаяся вот этим вот. Моя психика не выдерживает и ищет хоть какой-то выход.

Пока что я просто поставил себе срок. Хорошо знать, что ты умрешь в ближайшем будущем.

Мой друг твердит, что все будет зашибись, надо только подождать, открыть глаза и чакры и начать любить этот мир. Этот гребаный мир и этого гребаного себя. Дело за малым: перестать думать о том, как славно было бы вкатить себе чего-нибудь, вырубавшего башку. И с отяжкой выйти отсюда.

Я же оптимист, мне же всегда кажется, что все будет окей, хорошо, просто отлично.

Что все решаемо.

Только ни черта это не так.

Ни-чер-та.

Когда ты чувствуешь беспомощность настолько, что тебя сворачивает судорогой, ты в один момент глохнешь, слепнешь и выворачиваешься дугой... нужно ждать. Больше ничего не остается – ждать, когда это все пройдет, а тебя отпустит. Но судорога проходит, а беспомощность остается. Да, ты не помнишь приступ, замечаешь только его последствия – ватные ноги, паршивый слух и плохо гнущиеся пальцы. Ты понимаешь, что в ближайшую неделю не сможешь попасть этими пальцами по струнам, и от этого становится только тошнее.

Потом судороги проходят. И это место занимают панические атаки. Два раза в день, по 40 минут. Без праздников и выходных. Собственное тело напоминает тебе бетонную клетку, из него так и хочется вылезти.

Когда это продолжается второй месяц, ты приходишь к мысли о том, что все это конечно. Смерть, которая когда-нибудь тебя все равно настигнет, больше не кажется тебе чем-то болезненным или страшным, скорее – глотком свежего воздуха или прохладной рекой. В которой тебе наконец-то станет легче.

Надо запланировать ближайшие полгода и доделать все свои дела. Дописать пару книг, оформить прижизненный договор, доехать до старых друзей. Только придется вести себя

приемлемо и не сболтнуть лишнего. Впрочем, это не сложно.

И через полгода можно будет просто лечь и подождать.

В чем смысл жизни? Его просто нет. Смирись с этим, детка. Ты уже вырос, для того чтобы в него верить. Ты – это ведь просто набор молекул и звездной пыли. И больше ничего. Ты закрываешь глаза – каждую ночь или навсегда – и все остается так же, как и было.

Просто пыль снова становится пылью.

А пока что ты только больше погружаешься в себя. И уже ко всему готов. Тебя ведь все равно уже не существует. Твое тело заполонил страх, и в какой-то момент ты понимаешь, что от тебя реального уже ничего не осталось. Кто-то в твоём теле отвечает друзьям, ходит на работу и звонит родителям, сказать, что все хорошо. И это уже давно не ты.

Чего может бояться тот, кого нет?

Глава 1. Поднебесье

Мы с Мо гуляли по набережной в стылый зимний день. Это было так давно и неправда, что сейчас я помню с той прогулки только какие-то урывки, кадры, кусочки. Или это так реагирует моя память на весь перечень препаратов, что выписал мне доктор.

Не то чтобы они помогали не думать о смерти.

Так вот, Мо тогда говорил мне, что не знает, что бы он делал в свои сорок лет. Ему было странно даже думать о том, что он, его тело и сознание доживут до такой цифры. Через пару лет его не стало – несчастный случай.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.